

ЛАДА
ЗОРИНА

РАЗВОД

Я (*не*) ВЕРЮ

в любовь

Лада Зорина

Развод. Я (не) верю в любовь

<https://litres.ru/74214192>

Аннотация

— Скандал мне устроишь? — цинично усмехается муж, даже не пытаясь прикрыться. — Кать, не стой столбом. Иначе из драматичной эта сцена превратится в неловкую. А я от шока не могу пошевелиться. — К-кто это? — выдавливаю наконец из себя. Гордеев кивает на закутавшуюся по уши в одеяло любовницу. — Это? Это Любовь. Нет, реально, её Любой зовут. — То есть... — сиплю. — Это — любовь. А у нас с тобой уже — нелюбовь? — Поэтично, — оценил он бесстрастно. — Кать, ну какая любовь после двадцати лет брака?

Бывший муж зря думает, что я без него не проживу. Развод поставил точку в нашей супружеской жизни... и стал началом новой главы для меня.

♥# властный и жестокий мужчина ♥# неидеальные герои ♥# сложные отношения ♥# очень эмоционально ♥# ХЭ

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	30
Глава 7	34
Глава 8	39
Глава 9	44
Глава 10	49
Глава 11	53
Глава 12	57
Глава 13	61
Глава 14	65
Глава 15	69
Глава 16	73
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Глава 1

— Что, скандал мне устроишь? — цинично усмехается муж, даже не пытаясь прикрыться. — Кать, не стой столбом, иначе из драматичной эта сцена превратится в неловкую.

А я в первые мгновения от шока не могу ни единым мускулом пошевелить. Вбираю в себя безобразную сцену и мозгом регистрирую всё, что вижу, а отреагировать пока не могу.

— К-кто это? — выдавливаю наконец из себя.

Гордеев кивает на закутавшуюся по уши в одеяло любовницу.

— Это? Любовь. Нет, реально, её Любой зовут.

— То есть... — сиплю. — Это — любовь. А у нас с тобой — уже нелюбовь?

— Поэтично, — оценил он бесстрастно. — Кать, ну какая любовь после двадцати лет брака?

Какая?.. Реальная, верная, настоящая! Но это всё не о нём, не о Гордееве, не о моём муже, в котором я не чаяла когда-то души.

Сейчас всё заволакивала пелена мутно-багрового гнева. Сердце трепыхалось в груди раненой птицей, будто хотело вырваться из-под рёбер и улететь.

Дышать было сложно — и даже уже не сколько от того, как я эту сцену застала, сколько от равнодушия и цинизма,

которыми меня окатил мой собственный муж.

— А вы не могли бы выйти? — внезапно подала голос Любовь.

Я изумлённо уставилась на неё, даже сначала ушам не поверив.

— Что?..

— Вы не могли бы выйти? — повторила она уже куда громче, словно решила, что я переспросила, потому что реально не расслышала из-за глухоты. — Я бы одеться хотела!

— Сиди смирно! — шикнул на неё Гордеев. — Подождёшь.

Я указала дрожащим подбородком на девку в постели.

— Выведи её отсюда. Немедленно! Я жду тебя в столовой.

— Чаю попьём? — хмыкнул Гордеев.

— Поговорим, — прорычала я таким низким голосом, что у меня внутри всё завибрировало от усилий.

Не помню, как я спустилась на второй этаж. Не помню, как отыскивала столовую. Перед глазами всё странно мутилось и прыгало, словно я вывалилась из одной реальности в другую — параллельную, где всё так же, но чуть иначе.

Господи, хотела бы я сейчас куда-нибудь провалиться! Чтобы не слышать, не видеть, не знать!

Грудную клетку по-прежнему сдавливало немилосердно. Но я упрямо вцепилась в спинку одного из стульев, приставленных к овальному столу. Уставилась невидящим взглядом в окно. Моя устроенная, благополучная жизнь валялась в об-

ломках у меня под ногами, а я до сих пор поверить в это до конца не могла. Умом-то же всё понимала, а внутри какая-то пустота — страшная, зияющая, сосущая.

— Ну что, говорить с тобой будем?

Крутанулась на месте, уставившись ненавидящим взглядом на входившего в столовую мужа. Входил он как полноправный хозяин, которого ничего не смущало. А я пыталась понять, почему он себя так ведёт. С каких пор он стал до того ко мне безразличен, что его моя боль ни капли не трогала?

— Андрей, что ты творишь? — прошептала я, даже не пытаясь скрыть своего потрясения. — В тебя что вселилось?

Муж притормозил на пороге, широко расставил ноги, сложил на груди свои внушительные ручки и окинул меня внимательным взглядом.

— Что вселилось? Да чёрт его знает. Радость жизни, возможно.

— Ра... радость жизни? Ты издеваешься надо мной?

— Да с чего бы? Я пытаюсь быть с тобой честным. Мы давно живём в этом болоте, и я уже начал забывать, что это такое — быть по-настоящему мужчиной. Когда хочешь кого-то. Когда кипит кровь. Вот, Любовь помогла мне вспомнить. Я понимаю, тебе неприятно слышать такое. Но это правда жизни.

— То есть тебе всё равно, как при этом я себя чувствую? — прошелестела я, удерживая себя от рефлекторного жеста — схватиться за сердце, потому что с левой стороны что-

то неумолимо сжималось, будто пыталось превратиться в кулак.

— Слушай, я не думал, что ты вернёшься из этого своего салона так рано. И заметь, в нашу постель я её не тащил.

— Так тебе за это, может, ещё и спасибо сказать?! — рывкнула я, даже саму себя поразив таким неожиданным взрывом.

Но всему приходит конец, а моё терпение оказалось не таким уж и долговечным. Выдержка полетела к чертям. Зато я почувствовала, что дышать стало чуточку легче.

— Так, только давай без скандалов и криков на весь дом, — строго предупредил муж. — Ну ты ж понимаешь, что это просто интрижка. Я не собираюсь с ней ничего серьёзного заводить.

— Ничего серьёзного? — опешила я. — А вот это что было? Это у вас не серьёзно? Вы друг дружку в постели просто погладили?! Ты совсем за дуру меня держишь, Гордеев?!

И без того суровое лицо мужа окаменело, тяжёлая челюсть мгновенно напряглась, а в серых глазах засквозила холодая сталь. Он терпеть не мог, когда кто-то бросал вызов его авторитету и пытался взять над ним верх — даже в малом. Даже в обыкновенном споре Гордеев не мог быть не прав. Это скорее все вокруг ошибались. Даже я, даже сейчас, когда застукала его в нашем доме в объятиях молоденькой и наглой любовницы!

— Понятно. По-хорошему не получится. Тогда давай сра-

зу с тобой разберёмся. В чём смысл этого скандала? Ты хочешь мне высказать своё «фи»? Принято. Моя недоработка. Что ещё? Пообещать, что ты её тут больше не увидишь? Считаю сделано. Какие-нибудь другие пожелания?

— Я не только её видеть тут не хочу, — проскрежетала я.
— Я и тебя не хочу тут видеть, понятно?!

Муж иронично приподнял левую бровь и хмыкнул:

— Ого. И что это значит?

— Это значит — развод!

Друзья, приглашаю вас в мою новинку
 «Развод. Ты обещал, что не предашь»

Читать: <https://litnet.com/shrt/Oa8A>

— Альбина в беде, — процедил муж. — Я должен ей помочь.
 Я вспомнила те их нежности на парковке ... В груди защемило.
 — А какое тебе, к чёртовой матери, дело до её бед?
 — На этот раз вопрос личный, — выговорил он через силу.
 — Это личное касаться нас никак не должно!
 — Но касается, — отрезал Данила.
 — Как? — мой голос ослаб. — Каким образом? Говори, Громов!
 Данила поднял на меня больной взгляд:
 — Когда мы с ней расставались, я не знал. Она мне ничего не сказала.
 — Чего... не сказала?
 — Когда мы расстались, Альбина была беременна. У меня есть сын, Ксения. Ему семь.

♥# властный мужчина
♥# сложные

отношения
♥# очень эмоционально
♥# ХЭ

Глава 2

— Развод? — рассмеялся Гордеев. — Ты так не шути, Катерина.

И вот это оказалось настоящим унижением для меня.

Он посчитал, что я блефую?

— С чего ты решил, что я пошутила? Гордеев, Я с тобой развожусь.

И лишь произнеся эту фразу, я почувствовала неотвратимость сказанного. Это ведь действительно не пустая угроза, не попытка его удивить, припугнуть. Я действительно с ним развожусь. Я не позволю ему топотаться по мне, да ещё при этом и насмеяться над моими попытками прекратить этот фарс!

— А дальше что будешь делать?

— В смысле? Жить буду дальше. А ты что решил, что за границами нашего брака жизни больше не существует?

Он, кажется, только сейчас стал понимать, что я упираюсь не из чувства противоречия и не из желания ему насолить. Я действительно серьёзно настроена.

— Катерина, ну не дури. У тебя всё есть для сытой, комфортабельной жизни. Чего ты дёргаешься, я не пойму. Какая-то пустая интрижка так тебя разозлила, что ты готова разрушить себе всю жизнь?

— Себе? Так не я её разрушила, Гордеев! Или ты дума-

ешь, что я мыслю под стать тебе? Что мне всё надоело, и я превратилась в кусок камня без сердца? Так не суди по себе! Я до сих пор чувствую и мне до сих пор не всё равно, потому я с тобой и разведусь! Смотреть на то, как ты с другими бабами развлекаешься, потому что наша любовь давно превратилась для тебя в пережёванную жвачку? Нет, спасибо! Я не настолько не уважаю себя, чтобы это торпеть!

Гордеев смотрел на меня какое-то время, будто взвешивал на невидимых весах степень искренности моего пламенного монолога. Видимо, таки посчитал, что я действительно не шучу.

— Слушай, мы с универа вместе, мы двух дочерей вырастили и в жизнь отправили, дом построили и не один. Всё есть, всего в достатке. Даже с излишком. И ты до сих пор готова цепляться за сугубо совместное? Ты никогда не хотела хоть чуточку пожить для себя?

— Что?..

Я пыталась объять мыслью услышанное, но впечатление было такое, будто муж вдруг заговорил со мной на тарабарском языке. На языке, которого я не знала и не понимала. Которого я не слышала никогда!

— К-как ты вообще к такому пришёл?.. Когда, Андрей? Когда в тебе такие мысли-то поселились?

Супруг смотрел на меня с непроницаемым видом.

— Слушай, не пытайся всё выставит так, словно я для тебя сделал какое-то открытие. Не знаю, когда я к этому пришёл.

Это процесс. Это не за один день и не по щелчку пальцев случилось. Просто это жизнь, Катерина! Ну что тут непонятного? Рутинa рано или поздно убивает любые отношения. Не думал, что тебе, взрослой, умудрённой опытом женщине, нужно разжёвывать такие очевидные вещи.

Так вот значит, как может выглядеть семейная жизнь, когда супруги со временем отказываются делиться друг с другом мыслями и взглядами на жизнь, когда каждый думает, что второй всё сам понимает...

Я успешно проморгала этот момент. Мы с Андреем фундаментально разошлись в понимании семейной жизни. И вот теперь выясняется, что я по-прежнему держусь за «устаревшую» верность, а он решил, что и так был верен мне достаточно долго, чтобы теперь в кои-то веки пожить и для себя!

— Видимо... — я провела пальцами по лбу, — тут не имеет смысла просить о чём-то. Это твой взгляд на жизнь. И я с ним не согласна.

— Ну и для этого обязательно разводиться? Всё рушить? Тянуть в жизнь перемены?

— Ты тянешь в нашу жизнь вещи пострашней! — рявкнула я, не сдержавшись. — Нет, мне такая сытая жизнь не нужна. Я с таким не смирюсь.

Гордеев наконец-таки понял, что не поучится меня уговорить. Кивнул.

— Окей. Не хочешь с этим мириться, дело твоё. Но ты уверена, что готова к тяготам одинокой жизни в свои сорок

с хвостиком? Ты успела об этом подумать?

Я ошарашенно уставилась на него.

— Ты... ты на мой возраст собрался пенять?

— Да бог с тобой, — хмыкнул Гордеев. — Мне и самому давно не двадцать. Но одно дело — я, другое дело — ты, домохозяйка, последние несколько лет ведущая спокойную комфортную жизнь в загородном доме. Не жаль будет всё это терять?

Жар прилил к моему лицу и от подкатившего гнева я сейчас наверняка пошла багровыми пятнами.

— Ты... ты думаешь, деньги — это всё?

— Я думаю, деньги — это почти всё, Катерина. Без денег в нашей жизни сложно прожить.

— Но деньги не важнее самоуважения!

— Ага, — кивнул Гордеев. — Значит, мы тут с тобой не о комфорте, а о принципах и идеалах. Ну хорошо. Твой выбор. Развод, значит, развод. Но ты не бойся, без копейки я тебя не оставлю.

Жар ударил мне в голову.

— Не нужны мне твои копейки, понятно? Не смей мне своими подачками в лицо тыкать!

Супруг тут же помрачнел, серые глаза гневно сверкнули.

— Осторожнее со словами, Катерина. Не выводил меня из себя. Ты всё-таки слишком сильно зависишь от моего хорошего настроения.

— Пугать меня вздумал?

— Напомнить решил!

— Катись со своими напоминаниями знаешь куда? — заорала я. — Думаешь, я без твоих спасительных капиталов загнусь под забором? Что ты из себя бога всемогущего строишь?!

— Значит, так! — гроыхнул Гордеев и угрожающе шагнул мне навстречу. — Слушай меня внимательно, Катерина. Повторять не собираюсь! Захотела устроить грандиозный исход — бога ради. Дом оставляю тебе. Пользуйся, не благодари. Деньги — раз уж ты видишь меня такой меркантильной скотиной — получишь, если попросишь сама! Сама, это понятно?

Глава 3

— Ты вообразил, что я после такого хоть копейку у тебя попрошу?

В груди всё спирало от душившего меня гнева. Рёбра словно внутрь норовили вогнуться, сдавливая лёгкие и мешая нормально дышать.

И ведь если разобраться, сильнее всего я злилась сейчас на себя — за то, что не смогла соломки себе подстелить. Не предугадала. Не предвидела такой поворот. У меня и мысли не возникало, что у мужа в голове бродят такие идеи!

И вот как мне после этого доверять своей интуиции?

— Ну, сейчас ты слишком зла и расстроена, чтобы мыслить здраво, — заявил муж. — Но пройдёт какое-то время, ты остынешь и посмотришь на ситуацию трезво, без лишних рефлексий, и многое, возможно, поймёшь.

— Вот как?.. Если без лишних рефлексий, — прошипела я взбешённо, — то я решила бы тоже налево сходить! Что, интересно, ты сказал бы на это? Как, с гордостью потом носил бы свои развесистые рога?

Гордеев даже лицом потемнел, стоило мне заговорить о рогах.

— А что ты смотришь на меня так, словно я тебе суицид совершить предложила? — я входила в раж, уже не считаясь с тем, что несла, потому что смертельно уязвлённая гордость

требовала немедленного отпущения. — Или хочешь сказать, что мне рога всё-таки больше к лицу? Не молчи, Гордеев! Скажи, как в твоей башке такое равноправие помещается!

— Тебе меня на кого-то менять и в голову никогда не приходило, — проговорил он медленно и раздельно. — Я тебя в постели всегда устраивал. А вот мне...

И он выразительно замолчал, дожидаясь, пока на меня снизойдёт понимание.

Но оно на меня не просто снизошло, оно влетело мне молотом прямоком в солнечное сплетение.

— О-о-о... — выдохнула я, чтобы не задохнуться. — Так я ещё и в постели тебя не устраиваю...

— Ради уважения к нашему браку я не стану отвечать на этот вопрос, — тоном фальшивого примирения отозвался Гордеев.

— З-засунь себе это уважение знаешь куда! — рявкнула я. — Развод, Гордеев! Я подам бумаги завтра же!

— Дело твоё, — пожал он плечами. — Вперёд и с песней. Дом твой. Я себе новый построю. Меня всё равно здешняя планировка уже не устраивает. Живи тут со своими высокими моральными принципами и не хвориай. Ну а насчёт денег... повторять, думаю, нет необходимости. Будет туго — всегда обращайся.

И он преспокойно покинул столовую, оставив меня отходить от разговора.

Но если честно, я понятия не имела, сколько мне потре-

буется времени для того, чтобы действительно от него отойти. Сколько слёз должно быть пролито. Сколько немой боли пережито. Масштабы казались мне угрожающими.

И на весь этот кошмар ложилась ещё и густая тень растерянности. Я не ожидала этого, я не замечала развешанных вокруг меня красных флажков. Ничто мне не намекало и ничто не указывало на то, что за моей спиной всё давно изменилось.

И ведь муж до сих пор своего поведения не менял. Всё было... обычно. Как раньше. Но сейчас я начинала подозревать, что было так исключительно потому, что я его ни с кем не застала, я тоже вела себя как обычно. И он просто не видел причин что-то в этой схеме менять.

Конечно, зачем соглашаться на какие-то перемены, если можно просто водить меня за нос, лгать в глаза и таскать чужих потаскушек в свою постель!

От этой мысли я надсадно всхлипнула и зажала рот ладонью.

Он ведь и дом этот оставил мне, как барин, небрежно сбросивший с плеча надоевшую шубу. На, мол, забирай, подавись. А захочешь чего-нибудь сверх, с этим тоже проблем не будет. Ты только унизься и попроси.

Ему настолько плевать на меня. Вот настолько!

Я бы, если честно, не вспомнила, как покидала столовую. Мне нужно было решить, что делать дальше, но в голове стояла звенящая пустота, а на самую макушку словно что-то да-

вило. Я почти физически ощущала эту ноющую боль.

Возможно, стоило на всякий случай измерить давление, но у меня и на это сил бы сейчас не нашлось. Я была раздавлена и потеряна.

Какое-то время в итоге я просидела в гостиной, и оттуда услышала, что Гордеев через какое-то время спустился со второго этажа и вышел. Шум дверей гаража и взревший мотор подсказали, что он отбыл куда-то. Естественно, отчитываться мне он бы не стал.

Выдохнув, я прислушалась к тишине дома. Оставалось только порадоваться, что у нашей домработницы и её помощников сегодня был выходной и они не застали этого безобразия.

Поднявшись наверх, я добрела до нашей супружеской спальни и прошла в ванную комнату, где поплескала в лицо холодной водой.

А потом меня всё же накрыло. Я не могла смириться с тем, что его вещи занимали комнату, где мне так или иначе придётся ночевать. Поэтому спустя пару минут из окна второго этажа прямиком на газон полетели вещички.

Я самозабвенно вышвыривала в распахнутое окно всё, что принадлежало Гордееву.

Вернётся из своей важной поездки — соберёт. Не вернётся — его дело. На ночь дождь обещали, и я очень надеялась, что на этот раз прогноз погоды не подведёт.

В итоге я даже запыхалась, выгрузив всё, что отыскала,

наружу. Зато не могла не признать, что даже от такого ничтожного акта мести мне всё-таки полегчало.

Хотя коллекцию наручных часов, валявшуюся сейчас в изумрудной траве, сложно было назвать ничтожной. Сейчас на земле валялись сотни и сотни тысяч. Бери — не хочу.

Справившись, я огляделась и поняла, что «развлечение» подошло к концу.

Наступала неприятная часть. Нужно позвонить самым близким родным и объявить им о нашем разводе.

И кто ещё знает, какую реакцию я получу в ответ на своё объявление...

Глава 4

— Катенька, погоди... Я что-то не понимаю... — старшая сестра смотрела на меня с вежливым удивлением, словно заподозрила у меня лёгкое помешательство и не спешила верить тому, что я сказала.

— Марин, а что тут понимать? — дрогнувшей рукой я смахнула со лба выбившуюся прядь. — Я же сказала всё прямо, без намёков. Я развожусь с мужем.

— Это очень неожиданно... А в чём причина?

— Причина самая банальная и обидная, — вытолкнула я из себя. — Он мне изменяет, Марин. Я его вчера с какой-то молоденькой бабой застукала. Но это ещё не самое паршивое. Хуже всего то, что Гордеев ни черта не раскаивается. Ни капельки. Он решил, что двадцать лет благополучной совместной жизни — это уже даже как-то и неприлично. Пора изменить.

Мой чёрный юмор старшую сестру совершенно не впечатлил. Я наблюдала в окошке видеозвонка за её напряжённым лицом и понимала, что она пыталась справиться с шоком.

— Кошмар... Так и заявил?

— Более или менее. Но по большому счёту, какая разница, как он свою измену мне объяснил? Важен сам факт!

— Я... я понимаю. То есть извиняться или как-то исправлять ситуацию он не собирается?

— Прости, пожалуйста, а как можно исправить измену?
— прищурилась я, чувствуя, как гнев закипает в моей груди по новой. — А что до извинений, то всё как раз наоборот. Гордеев заявил, что имеет полное право отдохнуть от семейной жизни. Ну вот я и решила выписать ему пожизненный отдых. Пусть теперь делает, что хочет. Он полностью свободен от опостылевшего ему брака.

Мои собственные слова ножами впились мне в сердце, но я понимала, что это нужно озвучить, чтобы прочувствовать отчаяние до конца, чтобы ниже падать уже было некуда. Надо признать очевидное, надо закрепить это как факт и отсюда двигаться дальше, а со дна есть только один путь — вверх. По крайней мере, я на это очень надеялась. Иных ориентиров у меня не было.

— Кать, а как теперь... а как их с Мишкой договорённости?

— А какое отношение их с Мишкой договорённости имеют к нашему развалившемуся браку? — изумилась я.

Честно говоря, у меня это вопрос и в голове не возник. Муж Марины сотрудничал с моим мужем уже достаточно давно, чтобы их дела стали исключительно их делами и не имели к родственным связям никакого отношения. Я в них не лезла и ничего не визнавала. Не моё дело.

Оказалось, что, видимо, зря.

— Просто, — её взгляд забежал, будто она пыталась собраться с мыслями. — Просто там такая ситуация... Мишка

относительно недавно занял у твоего... у Андрея крупную сумму. Тот ещё, знаешь пошутил, мол, если бы не родственник жены, никогда бы не занял. А тут... вы разводитесь.

— Извини, но в первый раз слышу об этом, — я потёрла лоб, пытаясь припомнить.

Но нет, Гордеев ничего мне о своих делах особенно не говорил.

— Послушай, Марин, я не думаю, что на развод хоть как-нибудь отразится на их общих делах. Не бери в голову.

— Ну... хорошо.

Сестра, конечно, пыталась сделать вид, что я её убедила, он я видела тревогу в глазах Марины. В итоге распрощалась я с ней с таким ощущением, будто волноваться должна в первую очередь о их вероятных сложностях, а не о том, что моя жизнь пошла под откос.

И я уже отказалась следом звонить дочерям и решила дать себе хоть какую-то передышку, но жизнь распорядилась иначе — старшая Инна набрала меня сама.

— Мам, привет. Мы с Сашкой думали к вам на выходных заскочить. Вы как, дома будете?

Я кашлянула, собираясь с силами.

— Я буду дома почти наверняка. У отца спросишь сама.

— А... что случилось?

— Мы разводимся, Инн.

Потрясённое лицо дочери едва не заставило меня пожалеть о том, что я вот так без всякого предисловия вывалила

на неё эту новость. Но поздно жалеть — я тоже не могла таскать в себе всю эту боль и искать ко всем индивидуальный подход. Если я сама себя сейчас не пожалею, этого никто не сделает за меня.

— Мам, ты чего?.. З-зачем вы разводитесь? Что случилось?

Я кратко пересказала ей всё. У меня и мысли ни на миг не возникло, что стоило бы скрыть измену отца. Спрашивается, для чего? Хранить от дочерей его истинное лицо? Не видела смысла. Пусть знают, как их папочка относится к прожитым вместе годам. Пусть знают, что он фактически ни во что их не ставит. Что от жизни с их матерью он настолько устал, что даже не потрудился ответить на мои претензии с уважением, вместо этого унизив так, как меня ещё никто и никогда за всю мою жизнь не унижал!

— Я не верю, — выдохнула Инна. — Наш отец никогда бы так не поступил.

— Нет? — меня буквально взбесила её попытка уйти в отрицание. — Ну, раз я тебе вру, ты сама спроси у отца. Мне даже интересно, что он вам с сестрой в итоге расскажет!

И я безо всяких угрызений совести повесила трубку. Зато это в достаточной степени меня разозлило, чтобы мне хватило энергии на обзвон всей ближайшей родни — я фанатично стремилась решить вопрос развода раз и навсегда. Не хотела тянуть и откладывать, ломая голову над тем, как всем преподнести эту новость. Хотела сделать это немедленно, здесь

и сейчас.

Возможно, я просто надеялась на то, что так мне станет хоть чуточку легче. Что я сумею хоть на короткое мгновение избавиться от боли, съедавшей меня изнутри.

И я почти управилась, почти почувствовала себя легче, прежде чем услышала шум мотора подъезжавшего в дому авто, а потом гневный крик со двора:

— Катерина!

Глава 5

— Погоди, — Усманов наморщил лоб, пытаясь переварить услышанное. — Ты с Катькой собираешься развестись из-за этой пипетки? Я думал, ты к Любке подкатил чисто поразвлекаться.

— Да как-то так всё и было, — скривился Гордеев, уставившись хмурым взглядом в окно.

Он уже чёрт знает сколько торчал в своём кабинете, обозревая панораму расстилавшегося под его ногами мегаполиса.

Обозревал и раздумывал, как это его такая устроенная, во всём прилизанная, благополучная жизнь в один миг дала такую уродливую трещину и принялась расползаться по швам.

Ему совершенно не улыбалось прямо сейчас окунаться в дела, связанные с разводом. У него и без этого дел невпроворот!

— И для справки, — добавил он, не оборачиваясь, чтобы одарить взглядом своего лучшего друга. — Не я с ней собрался разводиться, а она со мной.

— Ещё лучше. Живёт сейчас как у Христа за пазухой, а без тебя что собирается делать?

— Да мне откуда знать? — пожал Гордеев плечами. — Я у неё не интересовался. Но и бегать за ней, упрашивать я не собираюсь. Хочет развестись — пожалуйста. У меня нет

времени на уговоры. У меня по выполнению контрактных обязательств все сроки горят, я занят важными делами, а не вот этими бабскими соплями.

Чем больше он говорил, тем сильнее распалялся. Детали вчерашней безобразной перепалки всплывали в памяти, заставляя морщиться.

Это очень неприятно — осознавать, что далеко не всё ты можешь удержать под контролем, особенно в том, что касается личной жизни.

— Ну, Андрей, справедливости ради, эти бабские сопли всё-таки твоей жены сопли, а не просто какой-нибудь левой бабы. Вы с ней двадцать лет душа в душу и всё такое. А потом — р-раз! — и за один день разбежались.

— Ну, к этому всё шло, — проворчал Гордеев. — Думаешь, все эти двадцать лет в нашей жизни царила сплошная идиллия? Всякое было, поверь.

— Но это не повод из-за какой-то пустой интрижки семейную жизнь в утиль спускать. Только не строй из себя бессердечного, Гордеев! Не поверю, что тебе совсем наплевать!

Гордеев таки обернулся, чтобы бросить взгляд на Усманова.

— Ну, во-первых, с Любовью у нас не то чтобы пустая интрижка. Она не какая-то бестолковая соска, у которой на уме только то, как из моего кармана побольше утащить. А во-вторых, раз Катерине так легко от двадцати лет брака со мной отказаться, то почему я должен за него цепляться-то?

Ну, хочет пожить самостоятельной жизнью, почему я должен ей запрещать?

— Ну вы даёте... — покачал головой Усманов. — Шуму будет, к тому же. Сплетни всякие поползут.

— Да пусть себе ползут. Мне-то какая разница?

— Ну, думаю, тут главное держать руку на пульсе. Надеюсь, Катке твоей не придёт в голову как-нибудь за измену твою отплатить и растряндеть всем что-нибудь пикантное или важное с точки зрения бизнеса. Она у тебя баба серьёзная — может и заморочиться по этому поводу.

Гордеев замер, зацепился за эту мысль. Честно признаться, он как-то об этом и не подумал. Спасибо Усманову, допустившему подобную вероятность.

— Да ну, Тимур. Ну не настолько же она мстительная.

— Ну вот смотри, — и друг даже выпрямился в кресле, готовясь отстаивать свою теорию. — У твоей Катерины очень хорошие отношения с большинством жён наших шишек из совета. И с супругами наших партнёров. Ты же её на все мероприятия с собой постоянно таскал. А она у тебя такая, общительная. Её все знают, все уважают, всем она нравится. И даже не спорь. Ты знаешь, что я прав. Ты этим сам постоянно хвалился. Помнишь, как она какой-то там благотворительный вечер устраивала? Ты помнишь, какую сумму благодаря ей собрать удалось?

Гордеев скривился.

— Помню.

— Ну вот. Сейчас вы с ней разбежитесь, и собираешься ты что-то там объяснять или нет, а картинка в обществе сложится своя. Ну, если ты считаешь, что твоей репутации это особого вреда не нанесёт, тогда, конечно, переживать действительно не о чем. А так... ну, не знаю, я бы ещё сто раз подумал. Может, и не стоит с плеча рубить. Может, стоит попытаться с ней примириться. Или хотя бы удостовериться в том, что она на тебя нож не точит.

— Да твою-то мать, Усманов... — выругался Гордеев, отклеившись от созерцания городских видов и вернувшись к столу. — Вот умеешь ты настроение-то испортить.

— А у тебя оно было, можно подумать, радужным, — хмыкнул друг. — С утра ходишь как туча. И пока я на тебя не надавил, даже рассказывать не хотел же!

— Слушай, да не поползу я к ней с поджатым хвостом, — проворчал Гордеев. — Это нужно вообще всякое уважение к себе растерять, чтобы обратно к жене на пузе ползти после всего, что я ей наговорил. Мы ж не просто поссорились, мы всерьёз разбежались.

Усманов вздохнул.

— Ну тогда стоит хотя бы попытаться мирно с ней разойтись, а не так, что потом тебе ответочка от неё прилетит, а ты и отреагировать не успеешь. Бабы они же коварные!

До конца рабочего дня он крутил в голове эти мысли и всё больше с ними соглашался. Катерина ведь действительно может что-нибудь выкинуть. И почему он сразу не подумал

об этом?

Домой возвращался, уже обдумывая если и не план примирения, то как минимум попытку выйти с женой на диалог.

Наверное, всё-таки стоит снова предложить ей деньги. Щедрые откупные должны настроить её на более благосклонный лад.

И он почти убедил себя в этом, пока не вырулил на подъездную площадку и не увидел, что вся она вместе с газоном усыпана его вещами...

— Твою ма-а-а-ать... Катерина!

Глава 6

— Орёт так, будто ему хвост прищемили, — мстительно пробормотала я, но и пальцем не пошевелила.

Он что всерьёз ожидает, что я кинусь на его рык? Брошу всё и полечу узнать, что же могло стать причиной его недовольства? Нашёл дурочку.

Поэтому я преспокойно выждала, пока он сам не завалился в мою спальню. В кулаке он сжимал целую охапку своих драгоценных наручных часов. Ну конечно, самое драгоценное решил собрать. Во избежание. Хотя где-то под окном валялся ещё и его второй планшет, макбук и коробка с дорожными запонками. Видимо, это добро он пока не заметил.

— Это что за хрень?! — прорычал он с порога. — Ты совсем лишилась ума?!

Я приподняла бровь.

— А ты так испугался за свои побрякушки? Возможно, в этом случае не стоило уезжать из дому, не побеспокоившись об их сохранности.

— Что ты этим цирком собираешься мне доказать? На кого рассчитано это дешёвое представление?

— Дешёвое? — и я перевела выразительный взгляд на зажатые в его кулаке часы. — Ну, я бы так не сказала. И нет тут никакого спектакля. Я просто избавилась от ненужных вещей в своём доме.

— Он пока ещё не безраздельно твой! Бумаги пока не подписаны!

— Но ты же не будешь нарушать своё слово? — наигранно удивилась я, а потом сделала вид, что вспомнила кое-что очень важное. — Хотя погоди... ты и во время брачной церемонии мне клятву давал. Но она, видимо, не считается.

Какое-то время Гордеев пыхтел, как паровоз. Он явно был бы не прочь придушить меня прямо на месте. Но что-то его пока всё-таки останавливало...

— Тебе полегчало? — наконец выдавил он из себя, швырнув охапку часов в кресло.

Я поморщилась, потому что вместе с часами на светлую рогожку полетели ошмётки газонной травы и комочки земли.

— Совсем чуть, — отозвалась я бесстрастно. — Недостаточно. Куда сильнее мне полегчало бы, если бы я следом за всеми твоими вещами выкинула бы в окно и тебя. Но мечты, мечты...

— Слушай, — он сделал над собой осязаемое усилие. — Давай не дуреть. Я всё понимаю, но уверен, мы сумеем отыскать возможность договориться и не расставаться врагами.

— Правда? — я изобразила искреннее удивление. — Ты думаешь, у нас получится? И как мы провернём этот трюк? Может, ты наймёшь мне любовника? Для зеркального ответа. Хотя тут есть нюанс — это нельзя будет считать полноценной мстостью. Ведь я изменю человеку, которому на мою

измену плевать!

Последнюю фразу я почти проорала. К сожалению, все попытки выдерживать тон и вид снежной королевы с грохотом провалились. Внутри до сих пор всё болело, и я пока не научилась скрывать эту боль. Со временем – может быть, да и куда я денусь от этой необходимости? Но сейчас я была неспособна строить из себя безразличную.

Но ведь и Гордеев за каким-то чёртом припёрся со мной поговорить. Или я ошиблась, и он явился сюда только лишь для того, чтобы забрать свои вещи и обнаружил их уже снаружи дома, а не внутри, и лишь потому явился сюда — для разноса и порицания?

— Ты считаешь, я бы остался безразличен к такому демаршу? — его голос звучал уже чуть спокойнее, но напряжение из него никуда не ушло.

— А какая разница, что я считаю? — горько усмехнулась я. — У тебя своё представление о нашей совместной жизни, и ни мои мысли, ни мои чувства тебя не колышут. Зачем ты явился, Гордеев? Ты ещё не всё мне высказал? Недостаточно унизил? Или, я надеюсь, ты здесь исключительно за тем, чтобы свои вещички забрать?

Супруг ответил мне пристальным взглядом, потом скосил его на валявшиеся ан кресле часы.

— Нет, вообще-то не только за этим. Хотел кое о чём с тобой поговорить. Но согласись, разбросанные по всему двору вещи кого угодно собьют с толку.

— Извиняться за это я не собираюсь, — бросила я. — Если что-то ещё из твоих вещей обнаружу, всё это тоже вывалится из окна.

— Я тебя понял, — проговорил он совершенно серьёзно, — но поговорить хотел о другом.

— О разделе имущества?

— О том, что, может, мы слишком спешим.

— Извини? — и на это раз моя эмоция была на сто процентов искренней. Я понятия не имела, что скрывается за этой загадочной фразой.

— Я имел в виду наш развод, — пояснил Гордеев. — Ясно, конечно, что для тебя это дело решённое, но мы можем хоть чуточку притормозить? Я хотел бы для начала навести порядок в делах. Это и тебе будет выгодно. Чтобы вся эта кутерьма с документами при разделе имущества тебя окончательно не задолбала.

— Переживаешь о моём состоянии? Это так мило, — с сарказмом протянула я. — Но не стоит. Я препоручу эти заботы своему адвокату. К тому же ты со своей крайне сомнительной миротворческой инициативой слегка опоздал.

В серых глазах Гордеева мелькнуло затаённое подозрение.

— Почему это?

— Потому что я всем уже рассказала, что мы с тобой подаём на развод. Ну, и почему подаём на развод, тоже, конечно же, рассказала.

Глава 7

— В смысле? — муж уставился на меня в таком изумлении, будто я сообщила, что в его отсутствие дом продала. — Как это — рассказала?

— Что значит, как? Ртом! — не выдержала я, чтобы не съязвить. — Пока ты занимался своими важными делами, я занималась своими. Или ты ожидал, что я продолжу во всём тебе отчитываться? Всё, Гордеев, наша совместная жизнь закончилась, завершилась, умерла. Теперь каждый сам по себе и принимает собственные решения. Или я и тут чего-то не понимаю? Или и тут от меня скрываются какие-то важные смыслы, недоступные скудному женскому разуму?

Муж смотрела на меня, явно пытаясь сформулировать мысль. Я уже поняла, что он совсем не ожидал от меня подобной оперативности. И не ожидал по каким-то конкретным причинам. По каким, понятия не имею, но можно предположить, что у него и на наш развод уже были какие-то свои планы.

Тогда стоит порадоваться тому, что я его опередила. Правда, платой мне за это стала неоднозначная реакция родных — по большому счёту, конечно же, потому что со стороны мы с Гордеевым виделись всем благополучной и счастливой семейной парой. Вот что значит дальше фасада не видеть.

— На хрена так спешить? — выговорил он наконец. — За тобой что, гнались?

— А у тебя что на уме? — с подозрением потребовала ответа я. — Какая тебе, собственно, разница, когда я родню оповещу? Радуйся, что не тебе пришлось это делать!

— Понятно, — протянул он на выдохе, явно не собираясь отвечать на мои встречные вопросы. — Ну, тогда что сделано, то сделано. Я умываю руки.

Я понятия не имела, на какую ситуацию он сейчас ссылался, но расспрашивать об этом не собиралась. Плевать. Меня его планы больше никак не касаются.

— Своим друзьям сообщать будешь сам, — добавила я. — В этом случае я тебе не секретарша.

— Катерина, ты только имей в виду один очень важный момент, — с внешним безразличием обратился ко мне Гордеев, но я-то понимала, что за этим тоном кроется серьёзное предупреждение. — Если у тебя после этого мелькнёт шальная мысль как-то на мне отыграться, я советую тебе сто раз подумать.

Я похлопала глазами в недоумении. Мои мысли в эту сторону вообще не работали. С чего это он решил, что я начну строить какие-то планы мести?

— Я уже отыгралась, — и я дёрнула подбородком в сторону валявшейся на кресле охапки измазанных в земле часов. — Повышвыривала твои вещички, и у меня отлегло.

— Я не о твоей минутной слабости говорю, — покачал го-

ловой Гордеев. — Если ты надумаешь во время развода или после него как-то вредить моей репутации, то я предпочёл бы принять превентивные меры.

— Планируешь соломку себе подстелить? — хмыкнула я, решив не выдавать мужу того, что до сих пор вообще не задумывалась о мести.

— Я ведь не дурак, Катерина, — напирал супруг. — Я прекрасно осознаю, насколько ты популярна. И готов к тому, что едва ли не все наши знакомые примут твою сторону, когда слухи наконец расползутся. Но личные неприятности я перенесу. Не критично. К тому же по факту вина, конечно, за мной. Это на меня ведь повесят клеймо изменщика.

— Да брось! — фыркнула я. — Кто навесит-то? Современное общество разве вообще мужиков за любовниц порицает? Их полощут разве что в клубах обманутых жён. А в остальном... не строй их себя заранее жертву. Ни за что не поверю, будто тебя беспокоит, что о тебе заговорят, когда узнают, что ты с постель молодую любовницу затащил. Позавидуют разве что!

— А я и не говорю, что меня чужое личное мнение хоть как-то заботит, — возразил Гордеев. — Я сейчас о другом. О том, что ты знакома со многими моими коллегами, с партнёрами и их супругами. Так вот, я надеюсь ты не опустишься до того, чтобы всякие сплетни и слухи обо мне распускать.

— Господи, — я скривилась. — Так вот за кого ты меня держишь...

Но Гордеев проигнорировал мои слова

— Я хотел бы в этом случае сэкономить нам обоим силы и время.

— Что? — осклабилась я. — Может, предложишь мне достойную плату. Заткнёшь мне деньгами рот, пока не поздно?

И только когда я внимательно посмотрела на мужа, поняла, что он действительно не исключал такого варианта.

— А ты отказалась бы? — поинтересовался он хмуро.

И меня едва смех не разобрал. Только ничего смешного тут не было, впору плакать, ей-богу.

— Тебе твои деньги последние мозги отшибли, — скривилась я. — И как я, дура, этого до сих пор не замечала. Может, если бы поняла это раньше, для меня и твоя измена не стала бы новостью!

— Катерина, не увлекайся этой драмой, — холодно отозвался муж. — Лучше подумай о том, чем ты себе на жизнь зарабатывать будешь. Я предлагаю тебе деньги просто в обмен на то, что мы разойдёмся без взаимных претензий. А иначе на что ты собираешься жить? Откроешь кружок вязания для своих подружек?

— Отличная идея! — со злостью бросила я. — Всё лучше, чем от тебя деньги за молчание получать!

Я этого не хотела, но организм не собирался спрашивать моего разрешения — и на глаза набежали горячие слёзы.

Мало мне было унижений, которые я до этого пережила, так Гордеев меня теперь ещё и болтливой мстительной бабой

выставить собирается. Притом настолько безмозглой, что ей легче в рожу пачку денег пихнуть, чем хоть о чём-нибудь с ней договориться!

А ещё я видимо настолько ни на что не способна, что, по его мнению, всё равно заработать сама никак не смогу.

— Ты мыслишь нерационально, — отчеканил Гордеев.

И это стало последней каплей.

— А ведь и верно, — всхлипнула я и схватила с прикроватного столика массивную подставку для телефона.

— Катерина, поставь это на место, — потребовал муж.

Но я уже замахнулась, и подставка полетела ему в голову.

Гордеев едва-едва успел увернуться.

— Больная! — гаркнул и отшагнул к двери.

— И я даже знаю, кто меня заразил! — заорала я. — Выметайся отсюда, пока я тебя совсем не прибила!

Глава 8

— Но вы же мне отзовнитесь, когда документы будут готовы?

— Да, конечно. Не беспокойтесь, Катерина Павловна. Мы с юристами вашего супруга будем на связи. Если возникнут какие-то спорные вопросы или моменты, требующее вашего уточнения, то мы обязательно с вами свяжемся.

— Спасибо, — пробормотала я.

Ну вот и всё, подготовка к разводу официально стартовала.

Я в который раз обвела взглядом столовую с выходом на просторную террасу, где мы в тёплое время года любили всей семьёй завтракать и обедать. На глаза набежали непрошеные слёзы.

Господи, сколько я уже выплакала за последние сутки? Страшно представить...

Телефон то разрывался от входящих звонков и сообщений, то на время затихал. И я же подумывала совсем его отключить, но довольно быстро отказалась от этой идеи. Кто-нибудь из родни наверняка вообразит, что после всего случившегося решила руки на себя наложить. Нет уж, спасибо — не нужно мне под окном машину МЧС и скорую.

Гордеев, чего и стоило ожидать, не стал бегать по газонам и собирать расшвырянные по всей территории вещи. При-

гнал каких-то помощников — и ты споро всё собрали, погрузили и вывезли.

Даже жаль. Надо бы снова по всем комнатам пройтись и отыскать что-нибудь ещё, что можно выкинуть в окно. Не скрою, мне эта процедура понравилась. Хотя какая-то отдушина от изболевшегося сердца.

Подруги в один голос требовали его головы на серебряном блюде. Особенно кровожадные планы мне предлагали те, кто пережил измену супруга, причём никуда от своих изменщиков не ушли, а продолжали страдать, зато страдали в комфорте.

Дочери провели со мной несколько видеосозвонов — бросать всё и мчаться домой я им сама запретила, потому что у них были экзамены на носу. Спасибо папаше — он сделал их для дочерей незабываемыми. Теперь они больше будут тревожиться о семейных проблемах, чем о том, как сдать свои экзамены на отлично.

— Кать, ну ты вот сейчас ещё и за дочек себе голову не суши, — приехавшая навестить меня подруга уселась за стол.

Я придвинула ей ещё дымившийся ароматным паром френч-пресс с кофе.

— Ты завтракала?

Она кивнула.

— Слушай, не думай, пожалуйста, обо мне. Вот привычка у тебя, Богоматерь ты наша. Обо всех печётся, кроме самой себя!

Я вяло пожала плечами.

— Звонок юристам, это и всё, на что меня сегодня хватило. Чувствую себя так, словно по мне катком проехали.

— Ага, — Вера деловито наполнила свою кружку и метнула на меня острый взгляд. — И я даже знаю, кто сидел за рулём этого катка. Кать, позволь себе несколько дней покоя. Эту ситуацию нужно прожить и пережить, понимаешь? Других вариантов нет. Нет никакой волшебной пилюли, никакой чудодейственной дыхательной практики или позы в йоге, которая мигом избавить тебя от этого ужаса. Это нужно только пере-жить. А на то, чтобы пережить, нужно что?

Я подняла на неё тоскливый взгляд.

— Время.

— Умничка.

— Мне стыдно, Вер, — всхлипнула я. — Ты не представляешь, как мне сейчас стыдно!

Подруга тут же отставила кружку и встревоженно посмотрела на меня.

— За что, Кать? За что стыдно-то?

Мне даже поначалу выговорить это было сложно.

Отерев щёки, я схватила салфетку и прижала к носу.

— Когда... когда всё произошло, я так злилась, что не думала и не чувствовала ничего. Просто орала и бушевал. Потом... потом время прошло и... Вер, я ж до сих пор люблю эту скотину. С этим-то как быть?

Лицо подруги тут же осунулось. Она дотянулась до моей

руки, накрыла её своей ладонью.

— Если бы до сих пор не любила. И не болело бы. Кать, я всё понимаю, но тут... тут только сцепить зубы и держаться.

— Я ему... я ему — всё, п-понимаешь? Всю себя отдала! И ещё, дура, радовалась в душе, вот, мол, выбрал меня, а ведь столько баб за ним увивалось. А он двадцать лет оттрубил, и хватит с него! А я...

— А ты себе другого найдёшь! — с жаром возразила подруга.

— Да не нужен мне другой! В том и дело, Вер, что мне эта тварина нужна! Мне не нужно другого!

И ведь умом понимала, что это во мне сейчас болели мои раны. Что действительно должно пройти какое-то время. Что в душе должно хоть немного всё уgomониться. Но сердце разрывалось от боли, душа ныла, а я не знала, куда выплеснуть всю эту боль.

— Кать, Катюш... ты выдохни. Выдохни, а то у тебя прямо лицо покраснело, — заботливо пробормотала подруга. — Ты двадцать лет никого, кроме этого своего Гордеева, и не знала. Никто ж не просит тебя прямо сейчас ему замену искать. Это, наверное, только мужики и могут так делать — душевную боль какими-нибудь шашнями лечить. Ты просто... ты для начала выдохни.

— А он мне, Вер... он же мне деньги свои совал, чтоб я язык за зубами держала. Ну ты представляешь?!

— Да скотина он, вот и всё. Бессердечная, расчётливая

скотина. В первую очередь думает о себе и как бы свою задницу прикрыть. Вот и стоит он того, чтобы ты по нему маялось-то?

— Да я и не хочу маяться. А вот тут! — я ткнула себя дрожащим кулаком в грудь. — Тут вот всё наизнанку выворачивается!

— Тебе бы надо этому Гордееву сделать что-нибудь, а потом на его реакцию посмотреть, — пробормотала подруга. — Вот посмотрела бы на его реакцию и сразу бы от своих чувств пламенных поостыла.

И я сначала просто всхлипнула, даже не обратив внимания на её слова утешения.

А потом невольно задумалась...

Глава 9

— Андрей Александрович, все ваши вещи мы доставили. Коробки поставили там, где вы попросили.

— Благодарю, — сухо отозвался Гордеев. — Оплату Ксения вам должна была перевести. Я распорядился.

— Да, всё пришло. Спасибо вам огромное. Если вдруг что-нибудь ещё понадобится, звоните. Всегда будем рады помочь.

Ага, спасибо, конечно, большое, но он-то надеялся, что в ближайшее время ему больше не придётся никуда спешно съезжать. И уж тем более не придётся собирать разбросанные по округе вещички.

Гордеев стиснул челюсти, вспоминая мстительные посулы жены и её полыхавшее от гнева лицо.

Господи, сколько раз они с ней за эти двадцать лет ссорились и сколько мирились. И до этого момента у него даже мысли никогда не мелькало, что вот уж эта-то ссора точно станет последней, что пора завязывать с семейными неурядицами и просто разрубить этот невозможно стянувшийся узел.

Нет, вместо этого он просто стал искать развлечения на стороне. Взять передышку, отдохнуть от быта — да, такое ему подходило. Рвать с семейной жизнью раз и навсегда — нет, сам бы он на это не пошёл, чего бы в итоге ни нагово-

рил во время всей этой безобразной ссоры. Видимо, слишком ценил комфорт, стабильность и ощущение крепкого тыла, с которым ментально успел срастись за эти двадцать лет. И сейчас ощущение утраты его не отпускало.

— Чёрт с ним, — пробормотал Гордеев себе под нос, когда помощник покинул его кабинет, оставив наедине с собственными мыслями. — Привыкну.

Уже хотя бы потому что других вариантов не предполагалось. Катерина фактически лишила его права выбора, заявив, что ничего кроме развода, её не устроит.

— Глупая баба, — пробормотал он в пустоту.

И вдвойне глупая, потому что отказывалась от денег. Что и кому она пытается вот такой жертвенностью доказать? Что это за идиотская игра на публику? Вряд ли она делает это для того, чтобы её пожалели. Скорее уж наоборот, чтобы себе и всем окружающим напомнить, что она сильная и независимая. А муженёк пусть засунет себе свои миллионы подальше. Она, гордая птица, в них не нуждается. Гордая, но с голой задницей.

— Что, не согласилась? — прищурился Усманов.

Они встретились с ним после работы в одном из ресторанов, куда заглянули поужинать.

— Наотрез отказалась, — Гордеев мстительно вогнал свою вилку в стейк и полоснул по мясу ножом.

— А ведь она так себе свободу от любых договорённостей с тобой гарантирует, — отметил Усманов. — Берегись, Гор-

деев, твоя Катерина наверняка что-то задумала.

— Ага, — он отправил в рот кусок мяса, не испытывая никакого удовольствия от замечательно приготовленной свинины. — Тебя послушать, так она против меня уже целую стратегию по уничтожению разработала. Брось, Тимур, там ничего такого и не намечается. Она мне свою гордость демонстрирует, не больше.

И ему тут же припомнилось, как он пошутил про кружок вязания. Он всегда находил это увлечение жены неподобающим для их статуса. Вяжут какие-нибудь старушки — носки и варежки своим внукам. Да и то только те, кто не может себе позволить их в магазине купить. Зачем тратить время на такие глупости?

— Думаешь? — прищурился Усманов. — Ну, не знаю. Тебе, конечно, виднее. Думаю, сейчас Катерина слишком расстроена для того, чтобы реально что-то эдакое замышлять. И знаешь... жаль всё-таки, что у вас всё так сложилось. Грустно это, когда люди после стольких лет брака разводятся.

Гордеев сделал вид, что сейчас сосредоточен исключительно на ужине.

— Напомню, не я ухватился за развод, как за панацею. Это ей со мной больше неведомо под одной фамилией жить. Бога ради, не настаивал и не собираюсь.

Ну, и раз уж пошла такая пьянка, то он тоже не видел смысла как-то эти перемены в их жизни скрывать. Пришлось обзвонить родню со своей стороны и поставить их всех в из-

вестность.

Разумеется, без изумлённых охов и ахов просто не могло обойтись. И без расспросов.

— У меня другая женщина появилась, — отвечал он на это.

Трусливо прикрываться каиками-то пустыми отговорками не собирался. Да это по большому счёту и смысла-то не имело. Катерина же наверняка говорила как есть.

Но особенно сложный, напряжённый и неприятный разговор состоялся у него с дочерьми. Этого стоило ожидать, но подготовиться к этому было бы невозможно. С людьми, которых любишь, ты волей или неволей всегда держишь душу нараспашку, и когда получаешь удары от них, будь готов к тому, что они по этой причине всегда достигнут цели. Тут остаётся только терпеть.

— Пап, это правда?..

Две пары серых глаз уставились на него с экрана планшета.

Очень сложно было вытерпеть этот двойной взгляд и при этом сохранять полную невозмутимость.

— Не хочу вас расстраивать, но да, мы с вашей матерью разводимся. Не собираюсь ни в кого тыкать пальцем, но развод был исключительно её инициативой. Я разводиться с ней не хочу.

— Не хочешь, но зачем-то ей изменил! — Инна не выдержала первой и, выкрикнув это, теперь смотрела на него уже

не с удивлением и скорбью, а с гневом.

— Па, реально, — поддержала её сестра. — Что между вами такого могло произойти, что ты... что ты какой-то другой женщиной увлёкся?

Нет, он не был готов таким вот расспросам. Он скорее ожидал потоков слёз и новой волны оскорблений. И как-то пережил бы этот момент. Но попытки объяснить, почему поступил именно так... Попытки выискать нужный ответ превращались в настоящую пытку.

— Слушайте, с Любовью всё закрутилось совершенно случайно...

— С Любовью?! — вы унисон выкрикнули они. — Ты с Любкой ей изменил?!

Глава 10

— Так, — Андрей поднял руки ладонями вверх. — Так. Спокойно. Давайте без криков и квадратных глаз, хорошо?

Но дочери и не подумали к нему прислушаться. Смотрели на него, как будто он им только что сообщил, что не спит с Любовью, а убил её, расчленил и выкинул в речку.

— Пап, она же...

— Она ваша бывшая преподавательница. Бывшая! Но даже если бы и нет, какая к чёрту может быть разница? Это что, какой-нибудь конфликт интересов? Нарушение корпоративной этики? Как-будто нет!

— Она маму на восемь лет младше, — загробным голосом сообщила Инна. — Ты что, с ней спишь, потому что она моложе?

Да твою-то мать, какая разница, почему он с ней спит? А главное, какого чёрта он своим дочерям должен этот момент объяснять?

— Слушайте, вы уже достаточно взрослые мамзели, чтобы понимать, что это не так просто!

— А как по мне, так очень даже просто! — на правах старшей заявила Инна, а её сестра согласно кивнула. — И прощения ты от нас не дождёшься!

Да ладно? Но ему пришлось никак не выказывать того, что он усомнился в их категоричности.

— Стоп! — приказал он, опасаясь, что сейчас они просто отключатся. — Во вы мне такие заявления кидаете, а что с путёвками делать?

Дочери тут же замерли, на их лицах отразилось искреннее недоумение.

— С какими ещё путёвками?

Он тут же соорудил недовольную мину.

— С обыкновенными. Я вам путёвки на летние каникулы купил.

— Куда? — пискнула Ольга, заслужив строгий взгляд от старшей сестры.

— На Мальдивы. Как вы и просили. Две недели. Пять звёзд. Всё включено.

Он не торопил их, терпеливо дожидаясь, пока осознание осядет в их головах и сердцах.

— Ты что, хочешь нас путёвками купить? — прищурилась наконец Инна, и он успел заметить, как она едва заметно дёрнулась в унисон с младшей сестрой — наверняка за кадром схватила её за руку или на ногу наступила, чтобы не смела ей возражать.

Хитрая бестия. Она взяла самое острое от характеров обоих родителей — упрямая, жёсткая, когда требовалось, бескомпромиссная.

— Что значит, купить? — соорудил он удивлённую гримасу. — Я просто хочу понять, они вам что, не нужны? Сейчас вы со мной поссоритесь, все связи порвёте, а с путёвками

ми что делать-то?

— Так можно на почту нам отослать, — умудрилась встрять Ольга.

— С Любашей своей на Мальдивы езжай! — рявкнула старшая дочь и отключилась.

Андрей выругался в экран. Твою-то мать, с путёвками он погорячился. Прогадал. И получается, ни хрена своих дочек не знает, если подумал, что получится выиграть их расположение какой-то путёвкой.

— Слушай, — ну тебя-то можно вообще-то с этим поздравить, — заявили ему Усманов и компания спустя пару дней, когда он отправился в их обычное место — загородные клуб, где можно было культурно расслабиться.

Правда, на этих выводных, ни гольф, ни верховая, ни рыбалка его не радовали. Второй день Гордеев торчал в открытой беседке и потягивая коллекционное, проигрывал в голове все возможные варианты развития дальнейших событий.

Приятели пытались его подбодрить, но получалось пока откровенно так себе.

— Поздравить? — приподнял он бровь. — Хрен его знает, с чем тут поздравлять.

— Так они же принципиальные и неподкупные, — отозвался Сергеев, выпустив под дубовую крышу беседки облачко белёсого дыма. — Цени это, папаша. Моего Антоху вон, легко можно какой-нибудь ерундой с потрохами купить.

— Может, позже меня это и порадует, — проворчал Гор-

деев. — А сейчас какая мне радость от того, что они отказались общаться со мной?

— Ой, да куда они в итоге-то денутся? — Альмушев потрянул бутылкой, предлагая обновить. — Отойдут немного, запал потухнет, и погоди ещё, сами мириться к тебе прибегут.

Может, друзья и правы. Но он пока такой уверенности не ощущал.

— Ты вообще лучше радуйся, что у тебя всё ещё более или менее гладко проходит. Без публичных скандалов, без грязной мести и без мутных схем. Ты помнишь, как Костров разводился? Как его жёнушка киллера наняла? Вот где экстрим! Вот где мексиканские страсти. А твоя Катерина — молодец, разумная женщина. Держится и не унывает. Направляет свою энергию в нужное русло.

Гордеев моргнул, не совсем уверенный в том, что правильно понял последнюю фразу.

— В смысле? Ты о чём?

Сергеев ответил ему таким же удивлённым взглядом.

— А ты не слышал? Она вроде как решила какой-то кружок вязания открыть. Моя Милана мне уже все уши о нём прожужжала.

Глава 11

— Что-что, прости?..

Лица дочерей в окошке видеозвонка выглядели максимально озадаченно. Вполне возможно, они даже заподозрили, что я слегка поехала крышей после всей этой катастрофы с изменой их отца и предстоящим разводом.

И, наверное, не стоило их за это винить. Они и сами очень сильно переживали. Мне-то ничего пытались не выдавать, но я мать, я знаю своих детей как облупленных, и для того, чтобы понять, что творится у них на душе, мне совершенно необязательно приставать к ним с расспросами.

— Ну, это пока только проект, — пробормотала я смущённо. — И я у вас хотела узнать, как лучше в этом случае организовать общение. Лучше, наверное, какой-то закрытый чат, верно?

Дочки постарались исподтишка переглянуться. Но это довольно проблематично, когда они обе у меня в экране как на ладони.

— Ну... как бы... вообще да. Если вам есть что скрывать и если вы не хотите, чтобы у вас там какие-то левые люди завелись.

— Не хотим, — решительно мотнула я головой. — Но это не потому что нам есть что скрывать, а то звучит так, словно мы там преступления какие-нибудь замышляем. А потому

что... ну, там будут личные разговоры всякие. Понимаете?
— То есть вы там собираетесь не только рукоделие обсуждать, — уточнила старшая дочь.

— Инн, ну это же собрание по интересам, а не какой-нибудь спецкурс. Вот если бы в ваш чат к подружкам влез кто-нибудь посторонний, вам бы понравилось? А у меня там жёны всяких бизнесменов соберутся, чиновников, там, политиков. Вдруг кто-нибудь что-нибудь лишнее ляпнет.

Дочки синхронно наморщили носы.

— Думаю, теперь вы меня поняли. Просто я думала у вас расспросить. Может, там какие-то тонкости есть при регистрации.

— Да никаких особенного, — пожала плечами Инна. — Но если захочешь, можем созвониться, и я тебе всё настрою.

— Была бы очень тебе благодарна.

Злоупотреблять их помощью я не стала бы, но всё нужно было сделать грамотно, чтобы впоследствии не столкнуться с какими-нибудь нежелательными последствиями задумки.

После созвона с дочерьми я вычеркнула пункт с созданием чата из своего ментального списка. Можно считать, тут всё решено.

Второй список — с именами — был уже не ментальным, а самым что ни на есть настоящим. Сидя в столовой опустевшего дома, я потягивала свой обеденный кофе и бегала взглядом по именам, в который раз за последние несколько дней отгоняя от себя внутреннего критика.

А он буквально вопил о том, что задуманное — несусветная чушь и больная фантазия, которая к тому же может мне очень сильно аукнуться.

— Что ты творишь... — в который раз прошептала я, продолжая штудировать список.

Не могу сказать, что я была на сто процентов уверена во всех, кого вписала туда, но я ведь собиралась делать всё постепенно, а не нахрапом. Начинать в любом случае буду с самых проверенных.

— Ты только с последними тремя дамами в списке поосторожнее, — напутствовала меня подруга, заглянувшая на огонёк через несколько дней после того, как я озвучила ей свою безумную идею. — Не уверена, что они с тобой прям так уж на одной волне. Например, насколько мне известно, Куликова своего в итоге простила. Притом искренне. И у них даже вроде бы всё хорошо. Это я, конечно, так, краем уха слышала, но всё-таки. Да и не фанатка она всяких посиделок.

Я с готовностью подхватила карандаш и поставила напротив её фамилии жирный вопросительный знак.

— Зачёркивать пока не буду. Просто имею в виду.

Вера кивнула.

— Ну а остальные... С остальными можно попробовать. Ты же приглашения пока не рассылала?

Я помотала головой.

— Думаю, я даже не с приглашений начну. Это слишком... в лоб. Просто закину крючок в разговор. Посмотрим,

как они отреагируют.

— Разумно, — закивала подруга. — И рисков меньше.

Да вся эта безумная затея — один сплошной риск без каких-либо гарантий. И начать хотя бы с того, что конечная цель пока даже и не наметилась. Но откуда-то я просто знала, что стоит делать именно так. Очень странное ощущение. Прежде я не спешила так легко своей интуиции доверять.

Видимо, поздно ещё воображать, будто в моей жизни больше нет места никаким переменам...

— Надеюсь, — усмехнулась я её ремарке о рисках.

Вера хотела сказать что-то ещё, но её прервал зазвонивший телефон.

Я бросила взгляд на экран и скривилась.

Гордеев.

— Что тебе нужно? — бросил в врубку.

— Что ещё за грёбанный кружок? — без приветствия потребовал он ответа. — Что ты задумала, Катерина?

Глава 12

— Какого чёрта ты мне звонишь? — ответила я ему в тон.
— Если бы я знала, что ты параноишь, я бы вообще трубку не брала.

Я-то думала, он по делам развода решил справки какие-то навести или наоборот, позвонить. А он моей задумкой внешне запно интересуется. И кстати, а с чьей это, интересно, подачи?

Во мне тут же зароились подозрения. Сама-то я сейчас не меньше параноика напоминала. Но дело в том, что для меня это отнюдь не простая, высосанная из пальца суэта. То, что я задумала, требовало какой-никакой секретности, а вот такие претензии — это уже тревожный звоночек.

— Я повторяю вопрос, — проскрежетал Гордеев. — Что ещё за кружок?

— Ты из ума выжил? — выбрала я нападение, потому что защищаться в моей ситуации — совершенно не вариант. — Какое тебе дело до того, как я переживаю развод?! И вообще откуда у тебя эта информация? Или ты совсем мозгов лишился и заделался местным сталкером?

Моя ставка на экспрессию, кажется, оправдывала себя. Гордеев неистово засопел в трубку. Ну да, никому, наверное, не понравится, если его вот так нагло, в лоб, поносят. А для меня такая стратегия — только в радость. Хотя как-то ото-

рваться на нём за то, через что он заставил меня проходить!

— Хочешь выставить меня съехавшим с катушек параноиком? Так это не мои выдумки, Катерина! Мне Сергеев о твоём проекте рассказал!

Я на мгновение замерла, припоминая, что я рассказывала его супруге. Мы с Миланой не слишком-то предметно обсуждали этот вопрос, но в том-то, чёрт возьми, и дело, что она ничего лишнего сболтнуть не могла. Во-первых, я никакой компрометирующей информации ей не сообщала. Во-вторых, Милана вообще не из тех, кто стал бы мужу что-то рассказывать. На то и расчёт. В свой кружок я собиралась приглашать только тех, кто в этом искренне заинтересован.

Поэтому успокойся, Катерина, утомонись. Он пытается вывести тебя на эмоции, как следует разболтать и заставить всё ему рассказать. Но пусть и не надеется — не получится.

— Так пусть тогда Сергеев тебе и расскажет об этом проекте, — насмешливо проговорила я, пытаюсь скрыть за этой усмешкой сбившееся от волнения дыхание. — Потому что называть это проектом... возможно, ты не один в своём окружении параноик. Вообще, Гордеев, предупреждаю. В следующий раз позвонишь мне не по делу, и я сразу же трубку повешу. Понятно?

Понадеявшись, что такой выпад уже нельзя будет счесть за позорный побег от необходимости что-то ему объяснять, я отключилась.

Сидевшая рядом Вера смотрела на меня со смесью изум-

лении я и восхищения.

— Ну ты, мать даёшь...

— Что? — я насторожилась. — Сильно загнула? Переборщила?

— Да нет! — замотала она головой. — Нет, как раз, мне кажется, всё идеально. Ты Гордеева угостила его же пилюлей. Вряд ли он после такого пламенного отпора что-нибудь всерьёз заподозрит. Ну, помается дурью немного, а потом и сам посчитает, что всё это — на пустом месте. А мужикам же это вроде как не положено — без повода параноить.

— Ну да, — пробормотала я, откладывая на стол нагретый телефон. — Они эту прерогативу нам оставляют. Чтобы было потом кого в истериках обвинять.

Подруга скосила на меня внимательный взгляд.

— Думаешь, Милана могла что-нибудь такое сболтнуть? Я покачала головой.

— Нет. Я знаю, Что Сергеев ей изменяет. И ты это знаешь. И она это знает. Не стала бы она с мужем по этому поводу откровенничать. Да и потом, я же ничего конкретного ей не говорила. Максимум, который она могла ему выдать — это то, что мне Гордеев сказал. Я собираю какой-то дамский кружок рукоделия. И какие к нам могут быть претензии? Смешно же даже представить!

— Но ты всё равно держи ухо востро, — предупредила Вера. — У твоего Гордеева, к сожалению, чутьё на такие вещи развито феноменально. Он почувствует фальшь. А потом

ещё и не постесняется поглубже копнуть. Такие мужчины, как он, не бросают дела на полпути. Даже я это слишком хорошо понимаю.

Я фыркнула, возможно, на тот момент не в меру раззадоренная своим успехом в только что завершившихся телефонных переговорах.

— Знаешь, что? А пусть даже и так. Пусть носом землю пороет. Посмотрим, что он сможет мне предъявить.

Глава 13

— Девочки, вы меня, бога ради, извините. Я очень волнуясь.

Я и не предполагала, что буду чувствовать себя настолько взволнованной, но вот вам пожалуйста — стою перед нашим импровизированным домашним собранием, и меня дева не колотит.

Списываю всё на в край расшатанные нервы. Сегодня тут собрались все, кого я знаю не один год. Более того, все те, кто так же, как и я, пострадали от неверности мужа. От предательства самого близкого тебе человека.

— Катюш, да не переживай ты так. Все же свои, — ободряюще улыбнулась мне Милана. — Можно подумать, мы тут не для групповой терапии собрались, а чтобы устроить какой-нибудь заговор.

И явившиеся на наше первое собрание знакомые захихикали. Сейчас нас было всего восемь человек, включая меня и Веру. Подруга от супружеской неверности не пострадала по той простой причине, что замужем не была. И сейчас я могла бы назвать её счастливницей. Даже и не знаю, Стоил ли мой брак того, чтобы завершиться подобным позором. Точно я могла сказать сейчас только одно — не жалела я лишь о рождении дочерей. Всё остальное до сих пор под вопросом.

— Просто вся эта задумка... Я очень хорошо знаю, что

о ней думает мой почти уже бывший муж и что, наверное, думают о ней ваши мужья.

Относилось это, конечно, только к тем, кто остался в браке, но обиду так и не простил. Я была далека от того, чтобы кого-либо тут осуждать. Боже упаси, рядом с неверным мужем остаются по разным причинам. Иногда это единственный выход, иногда — вынужденная мера. Не у всех имеется роскошь бросить всё, отсудить половину имущества и уйти в закат с гордо поднятой головой. Тот же Сергеев, насколько мне было известно, заявил Милане, что развод влетит ей в копейчку. В итоге она рисковала всё отсуженное потратить на адвокатов, которые будут заниматься её разводом.

В общем, за плечами каждой из нас хранилась своя некрасивая история.

— Нам безразлично, что они думают, — подала голос Галя. — Говорю за себя лично, зато от чистого сердца.

Собрание согласно загомонило.

Хорошо. Отлично. Значит, мы пока что на одной волне.

— Я своему сказала, что будет посмеиваться над нашим кружком, я свяжу ему самые уродливые в мире носки и варежки. И заставлю таскать их в офис, — заявила Наталья.

И вся комната прыснула со смеху.

Вера послала мне через комнату многозначительный взгляд. Ладно. Возможно, наша задумка — не такое уж и безумие. Возможно, мы действительно сможем друг другу помочь.

— В общем, сегодня у вас с вами ознакомительное собрание, — улыбнулась я, стискивая пальцы в замок. — Просто пообщаемся, поговорим, чем можем друг другу помочь. А ещё я решила, что результаты нашей трудовой терапии стоило бы направить на благое дело. Как смотрите на то, что связанные нами вещи мы будем передавать нуждающимся? Не переживайте, первые пробы у тех, кто вовсе с вязанием незнаком, останутся вам на память.

— Да, не будем позориться, — попросила Милана.

И комнату снова наполнило хихиканье.

В итоге первые сорок минут посиделок пролетели практически незаметно. Я и не ожидала подобного энтузиазма, но Вера заметила, что странно было ожидать как раз иного — в конце концов до собрания я с каждой желающей всё обсудила в личном порядке. Знакомые, которые пришли ко мне сегодня в гости, прекрасно понимали, куда отправляются.

Да, нас роднила трагедия предательства, но главное, что сильнее нас роднила потребность оказать друг другу поддержку и направить энергию нашей обиды в полезное русло.

В тот первый день нашего собрания я наивно считала, что наш импровизированный клуб ограничится исключительно этим.

Обсудив самые базовые организационные вопросы, я пригласила всех в столовую на чай, и уже совершенно расслабилась, готовясь признать, что это успех. По крайней мере, успешное начало.

Но в самый разгар нашего чаепития раздалась трель входного звонка.

— Сидите, сидите. Я открою.

Выскочив из-за стола и оставив гостей на попечении Веры, я помчалась в прихожую. Домработница и помогавший ей в уборке персонал к тому времени уже разъехались по домам, и это оказалось на самом деле большим плюсом.

Потому что, открыв дверь, я обнаружила на пороге... Любовь. Ту самую, которая теперь грела постель моему неверному мужу.

Глава 14

— Добрый вечер, — как ни в чём ни бывало поздоровалась незваная гостья. — Мы не могли бы с вами поговорить? — Поговорить? — поперхнулась я, таращась на неё во все глаза. — А нам есть о чём говорить?

Ситуация к размышлениям, конечно, совершенно не располагала, но хотелось бы мне представить себе хоть какой-то сценарий, в котором мне было бы о чём с ней говорить. Ну, вот, разве что за волосы наглую стервь оттащить — за то, что по чужим постелям шастает.

Только что это даст? Можно подумать, она тут единственная злодейка. Гордеев ведь и сам рад стараться.

За спиной у меня галдело собрание, которое я до сих пор воспринимала едва ли не как подпольное. Ну вот без пяти минут Движение Сопротивления, только на личных фронтах необъявленной войны.

А мой грозный вид до сих пор недостаточно напугал эту настырную Любовь. Она не кинулась в вечерние сумерки, голося, что её убивают. Значит, действительно желает о чём-то поговорить.

И во мне против всякой логики и условностей проснулось вездесущее любопытство. Ну, и не скрою, ещё сильнее его разжигало то, что держалась эта Любовь уж очень уверенно.

А вдруг я чего-то не знаю? А вдруг у неё есть какая-то

информация, которая подставит меня под удар? Прогоню её и останусь в неведении.

От такой вероятности стало вдруг очень не по себе. А ещё эта дрянь может подумать, что я струсилa. Мол, вот она какая дерзкая, припёрлась ко мне на порог, а я от одного только её вида задрожала и скрылась за своим высоким забором.

— Думаю, да, — ответила она на мой вопрос. — Нам с вами есть о чём пообщаться. Но обещаю, много времени я у вас не отниму. Тем более что, как я поняла, у вас гости...

И она эдак выразительно изогнула шею, будто собиралась заглянуть мне через плечо и убедиться в том, что её догадка верна.

Кажется, именно это сыграло решающую роль. Я заподозрила, что откуда-то эта пронира разузнала, что у нас тут собрание.

Так, а это уже не глупости. Это уже какой-то серьёзный намёк.

Я прищурилась и решила отбросить все светские расшаркивания.

— У тебя есть минут десять, не больше.

— Как это мило, — протянула Любовь. — Так мы с вами на ты?

— Давай мыслить логически, — я распахнула дверь шире, жестом издевательского гостеприимства предлагая её войти. — На вы обращаются в знак уважения. А тебя я не уважаю. Мой открытый выпад её не смутил. Она кивнула, будто

принимала правила игры.

— ну что ж, так даже лучше. Действительно, к чему нам расшаркиваться? — и она решительно ступила на порог. — На брудершафт мы, может, и не пили, зато мужчину делили. Будем считать это равнозначной заменой.

Я не показала ей своего удивления, но приходилось признать, что наглости этой дамочке было не занимать.

— Итак, — я без лишней суеты отступила на пару шагов и с демонстративной медлительностью скрестила руки на груди, прозрачно намекая, что приглашать её дальше в дом не собираюсь. — Время пошло.

Любовь хмыкнула, будто расценивала этот ход как детскую глупость.

— Действительно. Не будем время терять. Я приехала настоятельно попросить вас закончить эту канитель. Андрей, конечно, ко мне не прислушается, потому что считает себя хозяином положения, которому никто не указ. Но его вечно испорченное настроение уже порядком меня раздражает.

Поначалу я даже пыталась вникнуть в то, что она говорила, но быстро утратила нить разумного в её словах. То ли лыжи не едут, то ли у меня что-то со слухом.

— А я какое к этому могу иметь отношение? — уставилась я на неё в полнейшем изумлении. — Для меня всё это звучит как бред сумасшедшего. Настроение Гордеева — теперь исключительно твои заботы. Разбирайся с его настроениями сама!

— Так всё дело в том, что вы и виноваты в его настроении! Вы и вся эта ситуация! Он только и делает, что о вашем разводе бубнит, будто нет вообще никаких других тем для разговора! — со злостью рявкнула она. — Ещё и дочери чем-то ему насолили. И у вас тут всё это тянется. Вы — умная женщина, Катерина. Так просто скажите ему, чтобы отпустил уже ситуацию! Объясните, что не вернётесь к нему. Что для вас всё реально кончено и поторапливайте уже всю эту тягомотину с разводом!

Глава 15

— Ну, это уже предел наглости, — пробормотала я, разглядывая незваную гостью со смесью шока и недоверия. — Ты считаешь, что имеешь хоть какое-то право что-то требовать от меня?

Любовь смерила меня едва ли не покровительственным взглядом.

— Ну хоть кто-то же в вашей семье должен прислушаться к голосу разума.

— Я предлагаю это сделать тебе, — парировала я. — Возвращайся к своему обожаемому любовнику и требуй от него. У меня больше нет никакого желания продолжать этот разговор. Выметайся.

— Как некрасиво, — она цокнула языком. — Где же ваше воспитание? Я вот с вами на вы до сих пор. Помню об уважении к старшим.

От этих слов, прозвучавших уж слишком неожиданно для меня, кровь так и хлынула к лицу.

— Это временно, — сдержанно произнесла я, не позволяя обнаружить перед этой наглой дрянью свои истинные эмоции. — Всё проходит. И твоя молодость тоже скоро пройдёт. Это тебе только кажется, что у тебя в запасе ещё уйма времени. А завтра проснёшься — и окажется, что и возраст уже солидный, и вид не товарный. Поэтому лови мгновение.

Любовь хмыкнула.

— Я понимаю ваше желание ужалить меня побольней. Всё-таки вы сейчас в куда более уязвимой позиции. Поэтому я не обижаюсь. И всё-таки надеюсь, что вам хватит здравого смысла пообщаться с мужем на тему скорейшего развода в ближайшее время.

— Мне повторить свою просьбу или охрану позвать? — я подняла бровь с явным намёком на то, то предпочла бы второй вариант.

— Думаете, я ваших угроз испугаюсь? — ответила она мне в тон. — Что вам это даст? Секундное удовлетворение оттого, что вы соперницу выставили за дверь?

— Вполне уважительная причина, — процедила я.

— Кать, у тебя тут всё в порядке?

От неожиданности я, и без того напряжённая, вздрогнула и обернулась.

Из коридора, выведившего в обширную прихожую, вышли Вера и Милана, которые теперь с нескрываемым интересом рассматривали открывшуюся им сцену.

— У нас ещё какие-то гости?

— Ага, — я кивнула, снова оборачиваясь к Любви. — К сожалению, незваные.

— А у вас тут женское собрание? — не стушевалась она, во все глаза рассматривая Милану и Веру.

Да, не хватало ещё, чтобы и эта стерва узнала о том, чем мы тут занимаемся. Меня даже в жар бросило от этой непри-

ятной мысли.

— Это не твоего ума дело, — отрезала я. — Не держу. Уходи.

— Погоди, — удивила меня Вера. — Погоди, погоди... это, случайно, не та профурсетка, на которую твой неразборчивый Гордеев клюнул?

— Она самая, — кивнула я.

— Что-то у него совсем со вкусом плохо стало, — заявила Милана. — Ну я ещё понимаю, нашёл бы достойную кандидатуру. А тут на что смотреть-то?

Любовница мужа так и вспыхнула от этой крайне нелестной характеристики. Вся её самоуверенность испарилась, будто её и не было. Она окинула нас взглядом затравленной волчицы, но уже по её натуре можно было сказать, что эта дамочка не из тех, кто сдастся совсем без боя.

— Было бы кому такие претензии предъявлять, — прошипела она. — И надо же, как я угадала. Вы теперь, Катерина Григорьевна, именно так свои одинокие вечера скрашиваете? Со своими престарелыми подружками чай в подаренном доме гоняете?

Вера остановилась рядом со мной и с внешним спокойствием снова смерила стерву с головы до ног.

— Слушай, Кать, а она забавная. Хочешь, девчонок свистну, и мы её тут немножечко попинаем? Как раз разомнёмся.

— Отличная идея! — с энтузиазмом отозвалась Милана и развернулась. — Не разбегайтесь. Сейчас я всех позову!

И, кажется, только сейчас до Любви дошло, что никто с ней шутить и миндальничать не собирается. Не хочет уходить по собственной инициативе, значит, уйдёт по нашей. И не сразу, а только после того, как с ней разберутся так, как она того заслуживает.

— Больные! — взвизгнула она, резко развернулась и, рывком распахнув входную дверь, помчалась прочь, в сгустившиеся сумерки.

— Милана, у меня для тебя печальные новости, — не оборачиваясь, проинформировала Вера. — Наша законная добыча струсила и сбежала.

Я услышала, как Милана с притворным сожалением вздохнула:

— Ну вот... Совсем бабы без стержня пошли.

Вера прыснула и, погладив меня по плечу, молча побудила к ним присоединиться.

А я вместо этого всхлипнула от переполнявшего меня чувства благодарности.

— Спасибо вам, девочки, — захныкала я. — Сп-пасибо, что поддержали.

Спустя пару мгновений на моё второе плечо легла ладонь Миланы.

— Кать, да ты чего? Прекрати! Для чего ещё подруги нужны! И ты же видишь, вместе мы сила! Всё ещё сомневаешься в полезности своей затеи?

Глава 16

— Вот ты знаешь, языком у нас получается чесать лучше, чем эти твои пинетки вязать, — проворчала Тамара.

Она, конечно, утрировала. На самом деле, почти у всех, кто согласился влиться в наш кружок, кое-какие навыки по вязанию и вообще рукоделию был. Да, возможно, не все готовы были сразу это признать, потому что кто-то вбил им в голову, что статусность предполагала отход от таких «плебейских» вещей, как вязание или вышивание крестиком.

— Девочки, да нам, наоборот, нужно с высокой колокольни плевать на то, что думают остальные.

— Особенно если высмеивает тебя твой собственный муж, — добавила Милана.

После скандального инцидента с Любовью прошла неделя, а мы наконец-то собрались для того, чтобы провести нашу первую полноценную встречу — устроились в нашей большой гостиной, где попивали чай, шили, вязали и болтали. Вот именно такими я себе и представляла наши встречи.

Удовольствие от полезного дела и чисто женское общение. Ну а плоды наших скромных трудов мы уже договорились пристраивать через благотворительные фонды туда, где они могут понадобиться.

Поначалу все себя чувствовали чуть скованно и неуверенно. Но спустя час ощущение было такое, будто это далеко не

первая наша встреча.

И мне пока даже не верилось, что нам удалось.

Вера приехала ко мне на час раньше и, помогая подготовить гостиную к нашему первому полноценному заседанию, предупредила.

— Ты только их не торопи. Давай посмотрим, что они сами о наших собраниях думают. Если захотят как-то своим печальным опытом поделиться, не мешай. Но сама их за язык не тяни. Мы ж все тут не наивные девочки и понимаем, что собираемся не столько для того, чтобы носки повязать, сколько для терапии. Обсудить, поделиться друг с другом своим опытом и как-то проработать, так сказать, травмы.

— Ну, я уверена, почти все, кого мы пригласили, на сессиях у психологов свои травмы прорабатывают.

— Ага, только что-то незаметно, чтобы им как-то эти сессии помогали, — фыркнула Вера. — И да, напомним тебе, что в прошлую нашу встречу все, кто не успел поприсутствовать при изгнании этой дряни, что тебе заявили? Что ты зря их не позвала. Да там каждая первая с радостью морду бы ей расцарапала. Конечно же, именно потому что все свои травмы, связанные с супружеской неверностью, они как следует проработали.

И мне пришлось согласиться с мнением подруги — все мы действительно до сих пор нуждались в поддержке кого-то, кому наша личная боль так же знакома и близка. Кого-то, кто сам проходит через подобное. И никакой психолог этого

понимания не заменит.

В итоге с нашего первого чаепития мы разошлись с пока что скромными результатами в отношении рукоделия, зато пообщались продуктивно.

Может, из этого в итоге больше ничего и не выйдет. Может, наши собрания так и останутся кружком рукоделия,глупой затеей и коллективным хобби, но моих хороших предчувствий ничто не могло поколебать.

Ровно до тех пор, пока наш с Гордеевым развод не вошёл в горячую стадию. И нет, супруг не пытался меня обхитрить, обобщать, надуть или использовать хоть какие-то нечестные методы. Нет, этим занялась его новая женщина.

Её явно глодало публичное унижение, которому она подверглась, поэтому эта мстительная дрянь и закусила удила. Жаль, я не сразу догадалась, кто стоял за посыпавшимися на меня проблемами с паролями от соцсетей, Госуслуг и прочих электронных ресурсов. Но всё стало на свои места, когда дело докатилось до вопроса о доме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.